

DOI 10.15393/j9.art.2018.5541

УДК 821.161.1.09“19”-31

Анна Александровна Скоропадская

(Петрозаводск, Российская Федерация)

san19770@mail.ru

Поэтика иноязычной речи в рассказе И. С. Шмелева «Гассан и его Джеджи»*

Аннотация. В статье исследуется становление приема стилизации иноязычной речи в поэтике ранней прозы И. С. Шмелева на примере рассказа «Гассан и его Джеджи». Делая главным героем представителя турецкого народа, писатель создает его выразительную речевую характеристику, которая не только становится ключом к пониманию образа Гассана, но и разнообразит проблематику произведения. При сравнении последнего прижизненного издания рассказа с сохранившейся черновой рукописью определяются этапы писательской работы над речевым портретом героя-турка на фонографическом и лексико-грамматическом уровнях. Вносимые автором в речь Гассана произносительные дефекты имеют непоследовательный характер, что показывает писательское намерение не имитировать речь инородца, а произвольными мазками создать речевой портрет говорящего не на родном языке человека. Выявленные в ходе сравнительного анализа стилистические правки, с одной стороны, свидетельствуют об оттачивании Шмелевым своей писательской манеры, а с другой — показывают трансформацию идейного содержания рассказа, в котором ослабляется социальная составляющая и усиливается философская.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, «Гассан и его Джеджи», неореализм, стилизация, контаминированная речь, этноречевой портрет

Ранний этап творчества И. С. Шмелева принято рассматривать в русле развития русской литературы рубежа XIX–XX вв. с ее устремлениями к поиску новых литературных форм, героев, изобразительных приемов. Эти поиски привели к появлению нового течения — «неореализма», представители которого, ориентируясь на опыт русской классической литературы XIX в., в то же время использовали новаторские принципы символизма, импрессионизма и экспрессионизма. Это «предопределило важные черты неореалистической прозы, обусловив принципиальное обновление ее эстетики и поэтики, обогащение и изменение ее образной структуры

и стилистического рисунка» [Абишева: 12]. Обновленная тематика и проблематика (переосмысление темы «маленького человека», социальное неравенство, национальное самосознание) влекли за собой и поиски новых художественных форм для их выражения. Декларируемый принцип «творческой комбинации» [Колтоновская: 97] требовал сочетания достоверного, натуралистического отражения действительности с символистскими поисками глубинных смыслов. Среди прочих разрабатываемых неореалистических подходов укажем на особое внимание к языку (к музыкальности и вариантности слова), стилизации разговорной речи в художественных произведениях: «Писателей вновь привлекает устная, спонтанная речь как отличный выразитель идейного содержания» [Войналович: 38].

Стремление к реалистической достоверности требовало детальной работы над образами героев, в том числе и с точки зрения их речевой характеристики. Поэтому актуализация разговорного стиля приобретает особую значимость в литературе, а сказ «становится на какое-то время одной из главных форм самовыражения эпохи» [Завгородняя: 274]. Уже первые критики Шмелева отмечали его способность улавливать малейшие нюансы речи¹. Это «языковое чутье»² начало формироваться в раннем детстве писателя благодаря атмосфере, царившей в родительском доме³. По словам Е. Г. Рудневой, «самобытный дар писателя претворил стихийность национального языка в новую эстетическую реальность» [Руднева: 60]. Встав на стезю писательства, Шмелев бережно обращался с живым народным словом, стараясь органично вписать его в художественный текст⁴. Его стилизаторское мастерство оттачивалось постепенно путем обращения к разным видам устного слова: к речи провинциальных чиновников, замоскворецких купцов, губернских крестьян, городских мещан. Привлекли к себе авторское внимание и народы, населяющие Российскую Империю. Этот интерес был подпитан общей литературной тенденцией, когда «инонациональные типы стали характерологическим принципом в формировании нового этапа в движении отечественной литературы XX столетия» [Горбатько: 9]. Полиэтничность и многоконфессиональность

России становились почвой для новых идейных трактовок национальных и социальных типажей обновленными художественными приемами, среди которых востребованной стала стилизация русской речи иностранцев, выходящая за социальные рамки в межэтническую, межконфессиональную плоскость, где противопоставление «своего» и «чужого» проявляется более контрастно. В ранних рассказах Шмелева представлена целая галерея инонациональных речевых портретов: евреев («Служители правды», 1906), греков («На морском берегу», 1906), крымских татар («Под горами», 1907). В этом ряду находится и рассказ «Гассан и его Джедди».

Этот рассказ относится к тому этапу творчества Шмелева, когда после перерыва в писательстве, вызванного неудачей очерка «На скалах Валаама» (1897), прохладно принятого критикой и читателями, начинающий автор решил отказаться от литературного поприща и искал себя на казенной службе. Возвращение в литературу состоялось в 1905 г. написанием рассказа для юношества «К солнцу!», после публикации которого последовал ряд небольших произведений, адресованных прежде всего детям. Среди них — рассказ «Гассан и его Джедди», увидевший свет в 1906 г. в журнале Д. И. Тихомирова «Юная Россия»⁵. Далее рассказ переиздавался в авторском сборнике 1910 г.⁶ и отдельным изданием 1917 г.⁷, которое стало последней прижизненной публикацией этого произведения⁸.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) сохранилась черновая рукопись рассказа «Гассан и его Джедди»⁹. Сопоставительный анализ рукописи с изданием 1917 г. позволяет проследить не только генезис идеи произведения, но и эволюцию писательских приемов, которые в дальнейшем наиболее полно реализовались в зрелых работах Шмелева, принесших ему известность и признание.

Некоторые аспекты поэтики рассказа «Гассан и его Джедди» были рассмотрены в исследовании Л. В. Ляпаевой [Ляпаева], а также в работе О. И. Федотова, посвященной теме Пасхи [Федотов], Н. И. Соболева, обращающегося к изучению художественного времени в произведениях писателя [Соболев],

С. В. Шешуновой о русско-турецкой межкультурной коммуникации [Шешунова]. Однако предметом комплексного филологического исследования этот рассказ не становился.

Главными героями произведения Шмелев делает представителей турецкого народа, волею судьбы переселившихся в Россию, — старика Гассана и его внучку Джедди, чьи имена выносятся в заглавие¹⁰. Повествователь рассказа — русский интеллигент, приехавший отдохнуть на черноморское побережье, — выполняет роль хроникера, фиксирующего увиденные им события¹¹. Шмелев обращается к детальной проработке речи Гассана, развивая тем самым «реалистический потенциал образа» [Дзыга: 21]. Писатель поставил себе задачу: устами старика, плохо говорящего по-русски, описать драматические события, затрагивающие сложные социальные, нравственные, религиозные темы.

Чтобы передать особенности языка Гассана и Джедди, Шмелев включает в их речь произносительные и лексико-грамматические дефекты. Искаженные формы русских слов последовательно подбираются автором, о чем свидетельствует черновая рукопись рассказа. Изменения в тексте, которые выявляются при сравнении уже первых страниц рукописи и печатного издания, показывают, что речевая ситуация представляет для Шмелева большой интерес.

Рассказ начинается тем, что фигуры рыбака Гассана и его внучки Джедди привлекают к себе внимание повествователя, который, движимый любопытством, подходит поближе, чтобы «пойти посмотреть, что за ловля...» (л. 1). В процессе работы над текстом Шмелев сокращает пространные описания рыбалки и сразу переходит к описанию диалога героев, дополняя его психологическими деталями (смущение Джедди). Кроме того, авторские оценки («турокъ плохо говорилъ по-русски») — заменяются введением прямой речи Гассана, содержащей исламское приветствие и пока еще звучащей не по-русски:

«— Алла¹²... Алла... — пробормоталъ старикъ. — Поклонись, Джедди! — должно быть, сказалъ онъ дѣвочкѣ на своемъ языкѣ» (л. 1).

Далее в речи героя турецкий акцент воспроизводится Шмелевым с помощью ряда фонографических средств, среди которых, например, нарушение произношения твердых / мягких согласных — одного из важных признаков русской фонологической системы, не играющего этой смысловозначительной роли в турецком языке. Так, некоторые русские слова в устах Гассана получают дополнительное смягчение согласных: «глюпъ» (= глуп), «кукля» (= кукла), «миля» (= миля). Эта произносительная особенность зафиксирована в первом же русском слове, сказанном Гассаном: «— Глюпъ¹³... Онъ еще очень малъ... чужой, — сказалъ турокъ, коверкая слова...» (л. 1 об.). Также авторская правка окончания в этом слове («глюпа» на «глюпъ») показывает, что грамматическая ошибка была дополнительно внесена Шмелевым, в то время как произносительное искажение слова было задумано изначально.

Отметим, что в печатном варианте рассказа встречаются случаи, когда в некоторых словах палатализованные (мягкие) согласные заменены на твердые: «нѣтъ» (= нѣтъ), «тебѣ» (= тебѣ), «чилавѣкъ» (= челоуѣкъ). Тем не менее выявляется некоторая непоследовательность использования избранного автором произносительного признака: в речи Гассана все таки преобладают правильные варианты «нѣтъ» и «тебѣ».

Особо стоит обратить внимание на использование формы «чилавѣкъ» (и варианта «челауѣкъ»), которая в печатной редакции встречается трижды. Здесь наблюдается отклонение от орфографической нормы, редукция гласных *e* и *o*. Во всех трех случаях искаженное слово используется применительно к греку Никапулле, отправившему отца Джедди в шторм на верную гибель: «...чилавѣкъ такой... Грекъ Никапулла... богатый, большой богатый...»¹⁴, «Большой чилавѣкъ, — нужно ѣхать» (9), «Шайтанъ! Ай, какой челауѣкъ! ай, ай...» (16). Примечательно, что неправильная орфография перекликается с приемом овеществления в описании Никапуллы: характеристика «обрубок» и неодушевленное местоимение «что-то»:

«Захрустѣлъ гравій подь тяжелыми шагами. Что-то запыхтѣло позади и засопѣло. Я обернулся.

Въ черномъ пиджакѣ, въ яркомъ галстукѣ и большой соломенной шляпѣ стоялъ обрубокъ сала» (15).

Жадный и злой грек представляется в тексте как «недочеловек», недостаточная, неполная, неправильная модель человека. По отношению к Гассану Шмелев пишет это слово по всем нормам орфографии:

«— Проклятой чужой сторона!.. твоя сторона. Бѣдный чело-вѣкъ обижаль... Гассанъ обижаль...» (22).

Таким образом, средства фонографической стилизации становятся маркерами социально-нравственного конфликта, обозначенного в рассказе.

Еще одним примером нарушения орфографической нормы в речи турка с сохранением нормы орфоэпической становятся слова «нада», «можно», встречающиеся только в печатной редакции (см., напр., на с. 13, 31).

Фонографические средства стилизации способствуют передаче интонации речи персонажа. Так, эмоциональность и экспрессивность Гассана выражается междометием «ге», имеющим приветственно-побудительный или радостно-восклицательный характер. В одном случае в рукописи в речи турка встречается междометие «вах», позднее замененное на «ге», — возможно, вследствие его явной характерности для кавказских языков:

<p>«— Ге! — сказалъ Гассанъ. — Ге! А она еще утро зналъ... утро лепеталь: “шторма, шторма”... Объ Али плакаль... Какъ объ Али плакаль, — шторма пришла...» (6).</p>	<p>«— Вахъ! — сказалъ Гассанъ... А онъ¹⁵ еще¹⁶ утро зналъ¹⁷... Утро лепеталь: шторма... шторма... объ Али плакаль¹⁸... Какъ¹⁹ объ Али плакаль, — шторма пришла²⁰...» (л. 1 об.).</p>
---	--

Интонационное окрашивание речи разнообразится Шмелевым в печатной редакции за счет междометий, зачастую маркированных дефисами:

<p>«— Э!.. э... э... Христоса... хороший Христоса... <...> А-а... Джедди не ушелъ... Джедди живой... Гассанъ нашель Джедди... Джедди живой... и Али... и Христоса...» (25).</p>	<p>«— Христось... Хорошій Христось... Гассанъ полюбить Христось... Добрый Христось... Джедди не умеръ... И Аллахъ говорилъ... Джедди живой и Али... и Христось...» (л. 6 об.).</p>
<p>«— О-о-о... ты говорила... А-а-а-а... Али не погибаль... Христоса не зналь... Христоса спасаль Али... А-а-а... не зналь Христоса...» (27).</p>	<p>«— О!... Ты говорилъ... А-а-а... Али не погибаль... Христоса не зналь... Христось спасаль Али... О-о... не зналь Христоса...» (л. 7).</p>

Дефисация (морфемное членение слова с помощью дефиса) используется писателем в сцене гибели Гассана для передачи эмоционального состояния героя и напряженности момента:

<p>«— Па-ро-хо-да! — сказалъ онъ вдругъ и насторожился» (29).</p>	<p>«— Пароходъ! — сказалъ онъ вдругъ и насторожился» (л. 8).</p>
---	--

К пунктуационным фонографическим средствам можно отнести и излюбленный Шмелевым знак многоточия. Многоточия определяют интонационно-синтаксическую структуру речи Гассана. Подобная манера изложения рассматривается Н. И. Соболевым: «Лексическое своеобразие нарратива подержано на синтаксическом уровне, избыливающим парцеллированными конструкциями. Эмфазы в парцелляциях придают речи героев спонтанность, естественность звучания, создают ощущение здесь и сейчас становящейся действительности, и, как следствие, повествование в целом становится более образительным и выразительным» [Соболев: 88]. Рваные фразы Гассана свидетельствуют не только о проводимой его сознанием работе по подбору нужных слов, но и о тех эмоциях, которые ярко окрашивают его речь и становятся объектом нарративной стратегии писателя: с помощью фоностилистических единиц автор актуализирует «событие рассказывания» (термин М. Бахтина), заставляет читателя не только видеть текст, но и слышать его.

Обращаясь к лексико-грамматическому уровню стилизации, необходимо отметить, что Шмелев практически лишает речь Гассана турецких слов. Кроме имен собственных (Джамахэ, Али, Аллах, Магомед, Стамбул) и некоторых слов культурно-религиозного содержания (феска, шайтан, мечеть) на лексическом уровне турецко-арабский компонент в речевой портрет героя не вносится. Причиной тому может служить намерение писателя не осложнять текст иноязычными словами²¹ (напомним, что рассказ адресован прежде всего детям). Но хотелось бы указать и на свойственную писательской манере Шмелева тактичность в обращении к чужой культуре, отмеченную С. В. Шешуновой: «...повествователь также по возможности избегает слов, связанных со спецификой турецкой (и вообще мусульманской) культуры, предпочитая заменять их лексикой, лишенной культурных коннотаций или даже имеющей западноевропейское происхождение» [Шешунова: 108]. Казалось бы, противоречит данному утверждению следующее наблюдение: в начале черновой рукописи Шмелев чаще использует топоним греческого происхождения *Константинополь*, связанный с христианским миром, вместо русифицированного варианта турецкого названия *Стамбул*, в то время как в печатной редакции остается только последнее. Однако этот выбор логически объясним: в устах турка название родного города может звучать только так (см. об этом: [Свистунова]). Именно поэтому, зачастую уже начав писать *Константинополь*, Шмелев зачеркивает его и исправляет на *Стамбул*: «Онъ уѣдилъ въ Стамбуль²² покупать ей новыя туфли...» (л. 2); «Охъ, хорошо у насъ въ Стамбуль²³... <...>, — говорилъ Гассанъ, забывъ, что онъ уже не въ Стамб.²⁴» (л. 2 об.). В дальнейшем именно это название закрепляется в печатной редакции.

Стилизация проводится Шмелевым на грамматическом уровне — наибольшее количество правок, внесенных автором в речь Гассана, касается именно этого аспекта. Одним из главных маркеров речи героя становится изменение грамматической категории рода. В турецком языке данная категория отсутствует, что становится одной из главных сложностей в изучении турками русского языка²⁵. Так, в рассказе появляется ряд слов,

изменивших свое родовое окончание: «шторма», «Нордоста», «барина», «чорта», «Христоса», «парохода». Обращение к черновой рукописи выявляет, что большая часть этих слов изначально была написана в грамматически верном варианте.

Изменение грамматического рода происходит при синтаксической связи: «онъ Джеджи жалѣла», «больной была», «пошла Али на море», «мать помиралъ», «хорошій шаль», «прошелъ зима», «Джеджи болѣлъ», «Джеджи говорилъ», «рука твой» и т. п. Нарушение синтаксических норм происходит и на уровне грамматического числа: «шхуны ходилъ у него», «турки нашъ», «пошелъ мы домой», «камни шумѣлъ», «турки наши пришелъ». Большое количество грамматических дефектов обнаруживается в построении конструкций с управлением: «помиралъ въ Стамбулъ», «поѣхалъ Али на чужой сторона», «ловилъ крабъ», «у самъ великій султанъ», «не зналъ кукля», «рука твой давай», «кукла держалъ», «закрылъ шаль (=шалью)», «докторъ (=доктора) звалъ», «Гассанъ (=Гассана) обижалъ» и т. п. Также частотным оказывается и неправильное образование временных форм: «море боялся (=боится)», «туфли Али покупалъ (=купит)», «скоро бывалъ (=будет)», «ничего не видали (=не видно)», «деньга бралъ (=соберу)» и т. п. Как и в случае с фонографическими средствами, стилизация на грамматическом уровне во всем своем разнообразии проявляется в печатной редакции, в то время как рукопись чаще всего содержит грамматически верные формы:

«— Джеджи сказалъ, — не надо... Туфли Али покупалъ, въ Стамбулъ покупалъ... привозилъ...» (12).	«— Она говорить, не надо... Туфли ей привезеть Али, отецъ...» (л. 3 об.)
---	--

Однако указанные нами варианты стилизации не проявляются в тексте последовательно: наряду с грамматически неправильными формами употребляются и их верные варианты. В задачи автора не входило точно передать именно турецкий акцент. Так, только обозначив свойственную турецкому языку мягкость («кукля», «глюпъ» и т. д.) или твердость («нѣтъ», «тебѣ» и т. д.), Шмелев не делает этот фонетический признак постоянным. То же можно сказать и о грамматическом

согласовании, которое нарушается в речи Гассана не системно. Правомерно сделать вывод, что писатель воссоздавал не именно турецкий акцент, а вводил фонетические и грамматические нарушения нормы, которые могут присутствовать в контаминированной речи любого иностранца, говорящего по-русски. Неправильность речи Гассана — штрихи его речевого портрета, произвольные мазки, импрессионистически рисующие живой звучащий образ, благодаря чему «оказывается возможным по-новому, через показ противоречиво-оттеночных состояний души, через отраженность внешних впечатлений героев передать изменения и в душевном, и в духовном мире их внутренней жизни» [Захарова: 6].

Стараясь отразить неправильность речи Гассана, Шмелев всячески избегает появления комического эффекта, который наиболее часто возникает при передаче неродного для героя-иностранца языка: «...ломаная речь — уже априори комичный элемент, призванный снижать образ говорящего (нарратора), бросать его на арену сатирических обыгрываний, реплик и реприз, где он обычно оказывается в проигрыше» [Гиголашвили]. Предшествующий опыт русской литературы демонстрирует целую галерею персонажей-иностранцев, плохо говорящих по-русски (Вральман в «Недоросле» Д. И. Фонвизина, немец Шиллер в «Невском проспекте» Н. В. Гоголя, учитель музыки Лемм в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева, татарин-дворник в «Хозяйке», Луиза Ивановна и Амалия Липпехель в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского и т. д.). Их речевая характеристика, как правило, приводит к ироническому, сатирическому эффекту, который возникает из-за столкновения «нормативного языка читателя с ненормативным языком рассказа» [Крепс: 14]. Несмотря на то, что в описании Гассана рассказчиком присутствуют оценочные элементы («быстро затрепетала уморительная кисточка» (4), «смѣшно трепетала его кисточка на фескѣ» (15)), — в целом образ смешным не становится. Причиной этого, на наш взгляд, является продуманная философская идея, положенная в основание рассказа — идея гуманизма, подпитанная нравственными заповедями христианства. Ломаная речь героя-иностранца коррелирует с ломаной речью ребенка, начинающего осваивать язык. Чистая душа Гассана, как и чистая

детская душа («Я увезъ бы печальный, милый образъ Джедди и добродушнаго Гассана съ его дѣтской вѣрой въ свѣтлое будущее...» (28)), оказывается способной принять сложность мироустройства. Это принятие во многом происходит благодаря приобщению к гуманистическим ценностям христианства: пройдя через череду потерь (сначала смерть сына, а затем — внуки), испытав в полной мере проявления социальной несправедливости, влача жалкое существование вдали от родины, Гассан, тем не менее, оказывается способным осмысливать догматы чужой ему религии, видеть в них внутреннюю правоту и даже следовать им (пусть неосознанно), жертвуя своей жизнью ради других.

Таким образом, обращение к черновой рукописи рассказа позволяет выявить приемы стилизации речи героя-турка. Это позволяет проследить не только оттачивание Шмелевым своей писательской манеры, но и стадии трансформации идейного содержания произведения, которое за внешним сюжетом скрывает онтологические вопросы бытия, жизни и смерти. Писатель стилизует этноязыковую принадлежность Гассана и Джедди непоследовательно и в большей степени условно. Роль речевого портрета не сводится к реалистической имитации турецкого акцента. За счет некоторых стилистических штрихов создается многоплановость образов инородцев, через речевую характеристику раскрывается его внутреннее содержание. Шмелев, изображая иноверца Гассана, не обостряет оппозицию «свое-чужое», но, напротив, разрешает ее через обнаружение объединяющего начала — веры в бессмертие человеческой души.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Раннее творчество И. С. Шмелева в рукописных источниках: исследование и публикация» № 18-012-00381 а.

¹ Ср., напр.: Куприн А. И.: «Шмелев теперь — последний и единственный из русских писателей, у которого еще можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка. Шмелев из всех русских самый распрерусский, да еще и коренной, прирожденный москвич, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа» (Куприн А. И. К 60-летию И. С. Шмелева // За рулем. Париж, 1933.

- 7 декабря); Горький М.: «Из Ваших рассказов я читал “Уклейкина”, “В норе”, “Распад”, — эти вещи внушили мне представление о Вас как о человеке даровитом и серьезном. Во всех трех рассказах чувствовалась здоровая, приятно волнующая читателя нервозность, в языке были “свои слова”, простые и красивые, и всюду звучало драгоценное, наше русское, юное недовольство жизнью. Все это очень заметно и славно выделило Вас в памяти моего сердца — сердца читателя, влюбленного в литературу, — из десятков современных беллетристов, людей без лица» (Горький М. Письмо к И. С. Шмелеву // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 29. С. 107); Ильин И. А.: «Сокровища русского языка — ф о н е т и ч е с к і я (звуки) и **семейотическія** (значение звуков), и особенно **ритмическія возможности** — находятся в его <Шмелева> власти, служат ему, даруются читателю для вѣрнаго воображенія и разумѣнія» [Ильин: 85].
- ² Как вспоминал П. Ковалевский, Шмелев говорил: «Главное мое качество — язык. Я учился сызмальства народным выражениям и мое ухо очень чутко» [Ковалевский: 19].
- ³ Ср. воспоминания Шмелева о детстве: «Во дворе было много ремесленников — бараночников, сапожников, скорняков, портных. Они дали мне много слов, много неопределенных чувствований и опыта. Двор наш для меня явился первой школой жизни — самой важной и мудрой» (И. С. Шмелев. Автобиография / публ. А. П. Черникова // Русская литература. 1973. № 4. С. 143).
- ⁴ Ср. рассуждения И. Шмелева о творческом процессе, изложенные им в письме Д. В. Философова от 19 октября 1911 г.: «Новыя формы... Но я думалъ, что онѣ должны приходиться или придти сами и невольно въ богатствѣ нашего слова и богатствѣ мысли, когда эта мысль сама рвется и сама облекается въ плоть словъ, когда ужъ ни единый рѣзкій глазъ не усмотритъ швовъ и стежковъ и хитрой работы нарочитаго словесника-любителя. Когда новое и яркое уже потому покажется въ новой формѣ, что оно ярко» (Шмелев И. С. Письмо к Д. В. Философову от 19 окт. 1911 // ОР РНБ. Фонд Д. В. Философова, № 814. Ед. хр. 97. Л. 4–4 об. [Электронный ресурс] // Портал «PHILOLOG.RU». URL: <http://philolog.petsu.ru/shmelev/texts/letters/letters.htm>).
- ⁵ Шмелев И. Гассан и его Джеджи. Рассказ // Юная Россия. 1906. № 4. С. 485–497.
- ⁶ Шмелев И. Гассан и его Джеджи // Шмелев И. К светлой цели. Первая книга рассказов. М.: Юная Россия, 1910. С. 64–96.
- ⁷ Шмелев И. Гассан и его Джеджи. Рассказ. М.: Юная Россия, 1917. 32 с.
- ⁸ В 1923 г. был переиздан первый сборник рассказов «К светлой цели», но вместо рассказа «Гассан и его Джеджи» в него был включен рассказ «Пряник» (Шмелев И. К светлой цели. Первый сборник рассказов / под ред. И. В. Владиславлева. М.; Петроград: Книга, 1923. (Библиотека молодой России).

- ⁹ НИОР РГБ. Фонд И. С. Шмелева, № 387. Карт. № 1. Ед. хр. 23. 10 л. Рукопись расшифрована А. А. Скоропадской и О. А. Сосновской. Далее ссылки на рукопись приводятся в тексте статьи с указанием листа в круглых скобках.
- ¹⁰ Подробнее о поэтике заглавий произведений Шмелева см.: [Филат].
- ¹¹ Такой тип повествования характерен для манеры писателя: «Повествователь в художественном мире Шмелева фиксирует события, не стремясь их осмыслить, он превращается в хроникера, летописца, который рассказывает лишь о том, что видел» [Соболев: 87].
- ¹² *Вместо:* Алла — *было:* Аллахъ
- ¹³ *Вместо:* Глюпъ — *было:* Глюпа
- ¹⁴ Шмелев И. Гассан и его Джеджи. Рассказ. М.: Юная Россия, 1917. С. 8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ¹⁵ *Вместо:* онъ — *было:* она
- ¹⁶ *Далее было начато:* съ
- ¹⁷ *Вместо:* зналъ — *было:* знала
- ¹⁸ *Вместо:* Утро лепеталь: шторма... шторма... объ Али плакаль — *было:* Сегодня утром она все лепетала — штормъ — плакала объ Али
- ¹⁹ *Далее было:* Али
- ²⁰ *Вместо:* Какъ объ Али плакаль, — шторма пришла — *было:* А уже это вѣрный знакъ... Какъ объ Али заплачетъ быть бурь...
- ²¹ Так, иную нарративную стратегию избирают М. Лермонтов в сказке «Ашик-Кериб» и Л. Толстой в повести «Хаджи-Мурат»: для придания национального колорита авторы насыщают речь своих героев экзотизмами.
- ²² *Вместо:* Стамбуль — *было начато:* Констант
- ²³ *Вместо:* Стамбуль — *было:* Констант.
- ²⁴ *Вместо:* Стамб.<уль> — *было:* Конст.<антинополѣ>
- ²⁵ См. подробнее об этом: [Юнал].

Список литературы

1. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006. — 394 с.
2. Войналович Е. В. Языковые средства сказовой стилизации в семантическом пространстве романа И. С. Шмелева «Няня из Москвы»: реконструкция «своего» и «чужого»: дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2016. — 229 с.
3. Гиголашвили М. Немцы в изображении Достоевского // Топос. Литературно-философский журнал [Электронный ресурс]. — URL: <http://new.topos.ru/article/7629> (17.11.2018).
4. Горбатько В. А. Инонациональный характер в русской литературе 20–30-х годов XX века как фактор историко-литературного развития (Актуальная ретроспекция перед лицом новой действительности): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Краснодар, 2001. — 197 с.

5. Дзыга Я. О. На перекрестке традиций: новый «маленький человек» в творчестве И. С. Шмелева и А. И. Куприна // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — Воронеж. — 2016. — № 1. — С. 16–21.
6. Завгородняя Г. Ю. Стилизация и стиль в русской классической прозе: монография. — М.: Литера, 2010. — 276 с.
7. Захарова В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева: монография. — Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. — 106 с.
8. Ильин И. А. Художество Шмелева // Памяти Ивана Сергѣевича Шмелева / сб. под ред. Вл. А. Маевского. — Мюнхен, 1956. — С. 78–103.
9. Ковалевский П. Иван Сергѣевич Шмелев // Памяти Ивана Сергѣевича Шмелева / сб. под ред. Вл. А. Маевского. — Мюнхен, 1956. — С. 18–20.
10. Колтоновская Е. А. Сергеев-Ценский [Рецензия на Собр. соч. С. Н. Сергеева-Ценского] // Русская мысль. — М., 1913. — № 2. — С. 95–110.
11. Крепс М. Техника комического у Зоценко. — Vermont: Chalidze Publication, 1986. — 245 с.
12. Ляпаева Л. В. Мифопоэтика рассказа И. Шмелева «Гассан и его Джеджи» // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары: Изд-во ЧГУ им. И. Я. Яковлева, 2015. — С. 323–326.
13. Мартянова С. А. Слово как творение души: сказ в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2005 — Т. 7. — С. 585–595 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2698> (25.08.2018).
14. Руднева Е. Г. «Магия словесного разнообразия» (о стилистике И. С. Шмелева // Филологические науки. — 2002. — № 4. — С. 60–65.
15. Свистунова И. А. От Стамбула до Каппадокии [Электронный ресурс] // Москва. — 2016. — Январь. — URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1459.html (25.08.2018).
16. Соболев Н. И. К проблеме поэтики художественного времени в произведениях И. С. Шмелева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2014. — № 7. — С. 87–89.
17. Федотов О. И. Православная Пасха на родине и на чужбине // Религиоведение. — 2013. — № 1. — С. 149–158.
18. Филат Г. В. Поэтика заглавий прозы И. Шмелева (своеобразие семантики и структуры) // Вісник Дніпропетровського університету економіки та права ім. Альфреда Нобеля: Серія «Філологічні науки». — Дніпропетровськ, 2011. — С. 112–118.
19. Шешунова С. В. Русско-турецкая межкультурная коммуникация в произведениях И. С. Шмелева // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Восьмой международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков», 24–25 февраля 2016 г. — СПб.: РГГМУ, 2016. — С. 106–113.

20. Юнал К. М.-Ш. Сложности в изучении категории рода русского языка турецкими учащимися // Мир русского слова. — 2013. — № 2. — С. 105–108.

Информация об авторе: *Скоропадская Анна Александровна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, заместитель директора Института филологии.

Дата поступления в редакцию: 10.09.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Anna A. Skoropadskaya

(Petrozavodsk, Russian Federation)

san19770@mail.ru

The Poetics of Foreign Language in I. S. Shmelev's Story "Hassan and His Jeddi"

Acknowledgements: The article was written with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no. № 18-012-00381a.

Abstract. The article explores the genesis of the technique of stylization of foreign language in the poetics of I. S. Shmelev's early prose based on the story "Hassan and his Jeddy". Making a representative of the Turkish people the main character, the writer pays special attention to the peculiarity of his speech, which not only becomes the key to understanding Hassan's character, but also diversifies the problematic of the writing. The comparison of the last lifetime edition of the story with the existent manuscript reveals the stages of literary work over a speech portrait of the hero-Turk at the phonographic and lexical-grammatical levels. The pronunciation defects introduced by the author into Hassan's speech are non-systemic and inconsistent, that underlines the writer's intention not to imitate the speech of a foreigner, but to create a speech portrait of the non-native speaker. The stylistic corrections spotted due to the comparative analysis, on the one hand, testify that Shmelev was honing his writing style, but on the other hand, they disclose the transformation of the ideological content of the story, in which the social component is getting weaker, while the philosophical one is getting stronger.

Keywords: I. Shmelev, "Hassan and his Jeddy", neorealism, stylization, contaminated speech, ethno-verbal portrait

References

1. Abisheva U. K. *Neorealizm v russkoy literature 1900–1910-kh godov: dis. ... d-ra filol. nauk [Neorealism in Russian Literature of the 1900s–1910s. PhD. philol. sci. diss.]*. Moscow, 2006. 394 p. (In Russ.)
2. Voynalovich E. V. *Zazykovye sredstva skazovoy stilizatsii v semanticheskom prostranstve romana I. S. Shmeleva «Nyanya iz Moskvyy»: rekonstruktsiya «svoego» i «chuzhogo»: dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic Means of Narrative Stylization in the Semantic Space of the Novel by I. S. Shmelev “Nanny from Moscow”: The Reconstruction of “One’s Own” and “Someone Else’s”. PhD. philol. sci. diss.]*. Novosibirsk, 2016. 229 p. (In Russ.)
3. Gigolashvili M. Germans as Represented by Dostoevsky. In: *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal [Topos. Literary and Philosophical Journal]*. Available at: <http://new.topos.ru/article/7629> (accessed on November 17, 2018). (In Russ.)
4. Gorbat’ko V. A. *Inonatsional’nyy kharakter v russkoy literature 20–30-kh godov XX veka kak faktor istoriko-literaturnogo razvitiya (Aktual’naya retrospektsiya pered litsom novoy deystvitel’nosti): dis. ... kand. filol. nauk [The Non-national Character in Russian Literature of the 1920s–1930s as a Factor of Historical and Literary Development (Actual Retrospection in the Face of a New Reality). PhD. philol. sci. diss.]*. Krasnodar, 2001. 197 p. (In Russ.)
5. Dzyga Ya. O. At the Crossroads of Traditions: The New “Little Man” in the Works of I. S. Shmelev and A. I. Kuprin. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]*. Voronezh, 2016, no. 1, pp. 16–21. (In Russ.)
6. Zavgorodnyaya G. Yu. *Stilizatsiya i stil’ v russkoy klassicheskoy proze: Monografiya [Stylization and Style in Russian Classical Prose: Monograph]*. Moscow, Litera Publ., 2010. 276 p. (In Russ.)
7. Zakharova V. T. *Poetika prozy I. S. Shmeleva: monografiya [The Poetics of the Prose of I. S. Shmelev: Monograph]*. Nizhny Novgorod, Minin University Publ., 2015. 106 p. (In Russ.)
8. Il’in I. A. Artistic Skills of Shmelev. In: *Pamyati Ivana Sergeevicha Shmeleva [In Memory of Ivan Sergeevich Shmelev]*. Munich, 1956, pp. 78–103. (In Russ.)
9. Kovalevskiy P. Ivan Sergeevich Shmelev. In: *Pamyati Ivana Sergeevicha Shmeleva [In Memory of Ivan Sergeevich Shmelev]*. Munich, 1956, pp. 18–20. (In Russ.)
10. Koltonovskaya E. A. Sergeev-Tsensky (A Review of the Collected Works of S. N. Sergeev-Tsensky). In: *Russkaya mysl’*. Moscow, 1913, no. 2, pp. 95–110. (In Russ.)
11. Kreps M. *Tekhnika komicheskogo u Zoshchenko [The Technique of the Comic by Zoshchenko]*. Vermont, Chalidze Publication, 1986. 245 p. (In Russ.)
12. Lyapaeva L. V. The Mythopoetics in the Story of I. Shmelev “Hassan and His Jedly”. In: *Problemy kul’tury v sovremennom obrazovanii: global’nye, natsional’nye, regional’no-etnicheskie: materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The Problems of Culture in Modern Education: Global, National, Regional-Ethnic: Materials of the 6th International Research*

- and Practice Conference*]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev Publ., 2015, pp. 323–326. (In Russ.)
13. Mart'yanova S. A. The Word as the Creation of Soul: Using of a Traditional Russian Narrative Form, the Skaz, in Ivan Shmelev's Novel "Nanny from Moscow". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, vol. 7, pp. 585–595. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2698> (accessed on August 25, 2018). (In Russ.)
 14. Rudneva E. G. "The Magic of the Verbal Diversity" (About the Style of I. S. Shmelev). In: *Filologicheskie nauki [Philological Sciences]*, 2002, no. 4, pp. 60–65. (In Russ.)
 15. Svistunova I. A. From Istanbul to Cappadocia. In: *Moskva*, 2016. January. Available at: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1459.html (accessed on August 25, 2018). (In Russ.)
 16. Sobolev N. I. To the Problem of the Poetics of Artistic Time in the Works of I. S. Shmelev. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2014, no. 7, pp. 87–89. (In Russ.)
 17. Fedotov O. I. The Orthodox Easter at Home and in a Foreign Land. In: *Religiovedenie*, 2013, no. 1, pp. 149–158. (In Russ.)
 18. Filat G. V. The Poetics of the Titles in I. Shmelev's Prose (The Originality of Semantics and Structure). In: *Vicnik Dnipropetrovs'kogo universitetu ekonomiki ta prava im. Al'freda Nobelya: Seriya «Fiologichni nauki» [Bulletin of Alfred Nobel University. Series "Philology"]*. Dnepropetrovsk, 2011, pp. 112–118. (In Russ.)
 19. Sheshunova S. V. Russian and Turkish Intercultural Communication in the Works of I. S. Shmelev. In: *Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy Vos'moy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov», 24–25 fevralya 2016 g. [Actual Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages: Proceedings of the 8th International Scientific Conference "Actual Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages", February 24–25, 2016]*. St. Petersburg, Russian State Hydrometeorological University Publ., 2016, pp. 106–113. (In Russ.)
 20. Yunal K. M.-Sh. Difficulties in Studying the Category of Gender in Russian Language by Turkish Students. In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, 2013, no. 2, pp. 105–108. (In Russ.)

Information about the author: Skoropadskaya Anna A. — PhD. in Philology, Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism of Petrozavodsk State University, Assistant Director of Institute of Philology.

Received: September 10, 2018

Date of publication: December 10, 2018